

**ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ**

Надежда МИЛЬ

Елена МИЛЬ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
МИЛЬ

МОСКВА
2017

УДК 623.746.3(092) Миль М.Л.
ББК 39.5 Миль М.Л.
М60

Миль, Надежда Михайловна.

М60 Неизвестный Миль / Надежда Миль, Елена Миль. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 256 с. — (Запретные мемуары).

ISBN 978-5-699-97362-0

Его имя давно вошло в легенду. Его авиашедевры стали гордостью отечественной авиации. Проекты прославленного КБ Милья до сих пор составляют ядро вертолетного парка России — от вездесущего Ми-8, который закупали больше стран, чем автомат Калашникова, до непревзойденного гиганта Ми-12 грузоподъемностью 40 тонн, занесенного в Книгу рекордов Гиннеса; от героя Афгана и Чечни первого советского боевого вертолета Ми-24, много лет не имевшего себе равных по скорости, вооружению и бронированию, до грозного Ми-28Н «Ночной охотник», превосходящего хваленый американский «Апач» по всем статьям.

Но эта книга — больше чем разбор проектов великого конструктора. Ведь многое в судьбе Михаила Леонтьевича Милья остается недосказанным до сих пор, а в его творческой биографии хватает неизвестных страниц и «белых пятен». Лишь теперь возможно понять, каких трудов стоило ему «пробивать» свои революционные разработки, сколько сил было потрачено на преодоление административных барьеров и бюрократических препон. Созданная дочерью М. Л. Милья на основе уникальных документов из семейного архива и личных записей легендарного авиаконструктора, эта биография впервые восстанавливает подлинную историю его жизни.

**УДК 623.746.3(092) Миль М.Л.
ББК 39.5 Миль М.Л.**

© Миль Н.М., Миль Е.М., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-97362-0

«Чувство неба»? Мне кажется, что оно
родилось вместе со мной...

*(Газета «Комсомольская правда»,
30 ноября, 1969 г.)*

ЧАСТЬ I

1965 год. Салон Ле Бурже

Впервые советские самолеты и вертолеты были представлены миру на XXVI Международном салоне авиационной техники в Париже в 1965 году. Генеральный конструктор Михаил Миль с командой инженеров, техников и летчиков представил свои машины Ми-6, Ми-8, Ми-10, перелетевшие через всю Европу.

Подобных по грузоподъемности и по скорости вертолетов еще не было. Выставка вызвала неподдельный интерес среди специалистов. «В области вертолетостроения Михаил Миль завоевал пальмовую ветвь первенства», — писала после окончания салона французская газета «Монд».

Жизнерадостный 55-летний Михаил Миль, уже признанный ученый и конструктор, устроил на салоне встречу сотрудников ведущих вертолетных фирм мира. Все они активно общались в Париже и обменивались научными достижениями. Здесь были: Франк Пясецкий (США), Дабльхоф, Белков (Германия), Коррадо и Антонио Агуста (Италия), Джонсон, Ли Дуглас (США), Анри Потез, Морис Легран (Франция) и сын Игоря Сикорского — Сергей Сикорский (США). Каждый — известный конструктор или профессор, крупный специалист в области вертолетостроения.

В беседе кто-то из них заметил:

— Михаил Леонтьевич, вы из нас самый удачливый. Непостижимо — удалось осуществить на практике все

свои идеи! Ни у кого из конструкторов нет столько машин, выпускаемых серийно.

Миль ответил:

— Это потому, что мне удалось собрать дружный, слаженный коллектив единомышленников.

— Кого же вы больше всех любите? (Вопрос имел двойной подтекст: какое же устройство доставляет наибольшие неприятности?)

Он улыбнулся и ответил с юмором:

— Вклад каждого сложно переоценить. Но больше всего мы любим своих жен.

Все рассмеялись, услышав столь неожиданный ответ. Но Пана Руденко 42 года была не только женой, но и верной подругой Михаила Леонтьевича. Она вдохновляла его творчество и поддерживала в трудную минуту.

«Жизнь из двух половин, и одна из них любовь», — писал ей Михаил Леонтьевич. Любовь дарила ему радость. Но, несомненно, другая половина — творчество — наполняла смыслом все существование.

Истоки. Детство на Байкале

Впечатления детства оставляют глубокий след в каждом человеке.

Разнообразие интересов Михаила Леонтьевича поражает: любовь не только к конструированию, но и поэзии, музыке, живописи, иному творчеству — откуда все это? Миша рос среди красивейшей природы Сибири, в богатом традициями городе Иркутске, в дружной, счастливой семье.

Старые фотографии, сделанные в мастерской местного фотографа, украшенные медалями различных выставок... Отец Миши Леонтий Самойлович и мать Мария Ефимовна в Баден-Бадене, фотография дедушки и бабушки, портрет маленьких Кати и Миши в кружевных платьицах, а также Миши, Кати и Яши в юности.

Из семейных преданий известно о происхождении фамилии Миль. Корни семьи прослеживаются начиная с деда Михаила Леонтьевича — Самуила Миля, который прожил вместе со своей женой в Иркутске до почтенного возраста.

В семье сохранился старинный документ, тщательно оберегаемый и перевозимый вместе со всем скарбом даже во время войны и эвакуации. Это большой рукописный лист 1892 года с гербовой печатью Российской империи, подписанный старостой г. Иркутска. Этот документ предоставлял право на повсеместное жительство в Российской империи прапорщику Самуилу Милю, происходящему из солдатских детей и прослужившему 25 лет в русской армии. Фамилию Миль его дед получил, по преданию семьи, вот по какому случаю. Семилетним мальчиком он был украден из литовской деревни «хапугой», так называли людей, воровавших еврейских детей и продававших их в колонии, «кантоны», где из них растили солдат. Когда ребенка спросили, как его фамилия, он, не зная русского языка, сквозь слезы повторял: «Мель, Мель», говоря про мельницу, на которой жила его семья. «Миль» и записали как фамилию.

Отслужив 25 лет солдатом, Самуил получил чин прапорщика и хотел вернуться домой. Уже в зрелом возрасте он случайно встретил человека, укравшего его, узнал свою настоящую фамилию и посетил это местечко, но никого из родственников уже не было в живых. Он остался в Сибири в Иркутске, где женился и имел многочисленное семейство.

Его сын Леонтий Самойлович Миль был служащим на Иркутской железной дороге, а его жена Мария переехала к нему из Минска. Там она слыла первой красавицей и была намного моложе своего мужа. В Иркутске она работала зубным врачом. Сохранилось много прекрасных фотографий матери — Марии Ефимовны Миль, урожденной Шейнерман, отца — Леонтия Са-

мойловича Миля и их троих детей — старшей сестры Кати, Миши и младшего брата Яши. Однако, чтобы не обижать сестру, Миша уже в зрелом возрасте говорил: «Моя младшая сестренка Катенька». Дети были дружными и веселыми. Сестра Катерина стала красивой девушкой, к ней, бывало, приходили ухажеры, а братья Миша и Яшка залезали на шкаф и пугали в темном коридоре молодую парочку.

В семье детям дали хорошее образование, они посещали коммерческое училище, брали уроки немецкого. Миша учился играть на фортепьяно и занимался живописью у художника Копылова. Любовь к рисованию пронес Миша через всю жизнь, особенно это проявилось в зрелые годы, когда он почти профессионально начал писать акварелью, пробовал писать пастелью и маслом.

Кровавые события революции и Гражданской войны все же обошли Иркутск стороной. Здесь осели сторонники Белой армии и белочехи. Миша пишет в своем маленьком детском дневнике: «На 8-м году я пережил время великой смуты в России, в 1917 году была Российская революция...»

Он рано осознал себя личностью. Ведет детский дневник, рисует в нем членов семьи: отец и мать, гувернантка, дедушка в большой шляпе. Судя по сохранившимся фотографиям, им были точно подмечены характерные черты лица. Он рисует богатую обстановку своего дома: люстры, мягкие стулья, существование которых студенту Милю поставили в вину.

Миша пишет свою биографию в 10 лет: «Я родился в 1909 году в городе Иркутске в Сибири. На 7-м году жизни я стал интересоваться разными науками. Потом мне понравились анатомия, астрономия и химия. Я долго не любил читать, но мне попалась книжка очень интересная. Начитавшись разных книг, я стал видеть в себе очень много талантов, потом благодаря тем же книжкам я перестал в них верить. Как раз на 8-м году

жизни я переживал тяжелое время смуты в России — в 1917 году была Российская революция. В 1920 году я начал собирать коллекцию монет и марок...»

В Иркутске Мили проживали по соседству с семейством Франк-Каменецких, они были очень дружны. Дети часто играли вместе. Особенно Миша и Давид. У Миши было прозвище Медведь, а у Давида, Додика, — Кабан. Во дворе был теннисный корт, своя территория, которую они называли Тайга, часто они ходили вместе на Ангару удить рыбу.

Друзья встретились вместе вновь только в конце пятидесятых годов и также стали дружить семьями. Додик, Давид Альбертович, стал знаменитым физиком, профессором, сотрудником Курчатовского института, а Михаил Леонтьевич — известным конструктором вертолетов. Они гордились успехами друг друга.

Жена Давида Альбертовича, Елена, которая росла вместе с ними, записала свои воспоминания о друге детства:

«Лето 1927 года, село Култук на Байкале. Высокая добротная бревенчатая изба рыбака Петра Бачина на самом берегу озера. Калитка в глубине двора. За ней, за узкой полосой галечного пляжа — Байкал. На сеновале во дворе живут братья Миль. Восхищены своим жильем: открытой своей стороной сеновал обращен к Байкалу, и оттуда видны красивейшие восходы солнца над озером. Мы с сестрой живем в парадной горнице, какие были тогда в каждой более или менее зажиточной сибирской избе.

Миша и Яша Миль возвращаются домой в Иркутск первыми. Перед отъездом Миша купил копченого сига для своей мамы и с восторгом говорит о том, как мама будет рада. Сиг хранится на холоде у хозяйки. Поезд уходит ночью до рассвета. Просыпаюсь от разговора: Миша подставил снаружи лесенку (дверь заперта, а окно очень высоко) и через окошко спрашивает сестру, не знает ли она, где хранится его рыба. Мы этого

не знаем, и Миша, страшно огорченный, просто убитый, медленно слезает с лесенки и удаляется. Через какое-то время слышно, как он торопливо подбегает к окну (вернулся со станции), торопливо взбирается по лесенке и отчаянно и решительно произносит: «Надя, я не могу без нее уехать!! Разбудите хозяйку!» Эта драматическая фраза, произнесенная с трагическим накатом и относящаяся к копченой рыбе, была так мила и комична, что запомнилась на всю жизнь. Миша тогда, в 17—18 лет, был всегда веселым, даже сияющим, совершенно лишенным всяческих комплексов, часто свойственных этому возрасту. Непосредственный, открытый, откровенно добрый и даже нежный ко всем окружающим.

Встретились мы снова только незадолго до его пятидесятилетия, и я увидела того же человека: такого же открытого, простого и доброго, освещенного изнутри, совершенно бесхитростного и даже немного наивного, весело забавляющегося любой немудреной шуткой, своей или своих собеседников. Я знала его только как милого друга нашей семьи: в гостях у них или у нас, на прогулках, на даче — в общем, на отдыхе, и самым заметным его качеством была удивительная доброта ко всем, с кем он общался, доброта в чистом виде как основное, постоянное и непреодолимое состояние его души. Это было бы странно и неправдоподобно видеть в наше суровое время у пожилого преуспевающего делового человека, если бы не было очевидно, что он сумел пронести через жизнь весь свет своей души. Что все прекрасные черты его юности сохранились в нем в их первоначальном виде» (Е.А. Франк-Каменецкая, ноябрь 1984 г.).

В то время вся молодежь всерьез увлекалась авиацией. Миша в 8 лет делает первую модель самолета, а в 12 лет участвует в конкурсе авиамоделлистов в Новосибирске и за свою модель получил приз. После коммерческого училища в 1926 году Миша поступил в Том-

ский (Сибирский) технологический институт, откуда его после второго курса отчислили.

Он сам рассказывал об этом: «Я никогда не интересовался объявлениями деканата, а тут случайно подошел и прочитал на доске приказ о своем отчислении из института. В деканате мне объяснили, что был сигнал о том, что у нас дома есть мягкие стулья».

Это был 1927 год, и соображения о том, что на обучение имеют право только дети, происходящие из рабочих и крестьян, главенствовало над всем.

А мягкие стулья являлись как раз свидетельством зажиточной жизни.

Не унывая, Михаил устроился на кожевенный завод в химическую лабораторию и проработал там около года. Работал он очень увлеченно и даже усовершенствовал некоторые технологические процессы. Заведующий лабораторией дал ему отличную характеристику. С этой характеристикой Миша едет в Москву в отдел НАРКОМПРОСа, там работал кто-то из знакомых семьи. Уже как рабочий, член профсоюза кожевенников, он получает направление в Донской политехнический институт, где в то время открылось авиационное отделение.

Студенческие годы. Практика

Михаил приступил к лекциям в Донском политехническом институте, где в то время был необычайно сильный профессорско-преподавательский состав. Этот университет был построен на юге России для казаков перед Первой мировой войной. Сюда переместились профессора из Варшавы, среди них, например, профессор Ботезат, который стал конструктором американского вертолета, построенного в 1923 году. В институте были сравнительно хорошо оборудованные лаборатории, библиотека с иностранными книгами и журналами. Одним из ведущих лекторов аэродинами-

ческого факультета был профессор Левков, увлеченный авиацией и сумевший заразить своими идеями преподавателей и студентов. На базе этого факультета по его инициативе был образован Новочеркасский авиационный институт, и Левков стал его ректором. В 30-е годы Левков стал известным конструктором, создателем первого в мире судна на воздушной подушке.

Левков экспериментировал с моделями аппаратов на воздушной подушке в годы учения Миль в институте. Аппараты предназначались для движения над водой, на воде и на суше. В аэродинамической лаборатории Политехнического института была испытана первая модель катера, летящего над водной поверхностью. Были испытаны катера, летящие со скоростью около 100 км/час, что было для того времени выдающимся достижением. Левков и Миль встречались впоследствии уже не как студент и профессор, а абсолютно на равных, советовались по научным и организационным вопросам в 50-е годы.

В институте М.Л. организовал авиационный кружок, в котором было построено много интересных моделей. Кружок посещали не только студенты, но и пожилые рабочие, среди которых Михаил выглядел совсем юным. В городе квартировала авиабригада, в которой были хорошие мастерские. Там изготавливались нужные детали. Михаила слушались и уважали, ведь он был опытный моделист. Свои идеи он иллюстрировал рисунками, убедительными и доходчивыми чертежами. С моделями члены кружка выступали на краевых соревнованиях и получали призы.

Новочеркасск был маленьким уютным городом. Казачья станица с тенистыми садами, белокаменными зданиями, величественным Вознесенским собором и комплексом институтского городка. В центральном здании института был огромный белый зал с колоннами, в котором при царе давали балы. Институт был

основан еще при Николае II в 1907 году и был задуман как основной политехнический институт на юге России. Однако очень долго достраивался, и многие его здания были окончены только к 1926 году. Тогда там появилось и авиационное отделение.

Пана Гурьевна вспоминала, что она познакомилась с Михаилом Леонтьевичем в городе Новочеркасске в 1928 году, где они учились в Донском политехническом институте на втором курсе.

Она писала: «Мы с Мишей впервые встретились в 1928 году на заводе. Тогда, в мае месяце, большая группа студентов 3-го курса механического факультета Новочеркасского института была отправлена туда на практику.

Мы вместе с группой обходили мастерские, со мной рядом оказался розовощекий паренек в кепке и крагах, в большой кожаной куртке, очень интеллигентный, с виду почти подросток. С первого взгляда он мне совсем не понравился, как своей юной внешностью, так и настойчивым желанием все знать, — показался чересчур назойливым. Причем он все время шутил, рассказывал анекдоты, которых я терпеть не могла.

Я увидела, что он хорошо рисовал, мне стало любопытно, что он там чертит и рисует. Оказалось, наброски: станки, рабочих — на листках, где угодно. Это мне тоже показалось желанием покрасоваться. На практике мы работали рядом, а потом вместе шли к себе в общежитие... Слишком мы были разные, но какая-то притягательная сила тянула меня к нему. Причем Миша так упорно ходил за мной, что я к нему привыкла. И хотя его розовые щеки и желание казаться старше мне не нравились, но мы уже друг без друга жить не могли.

Как и все студенты, он ездил летом на военные сборы в лагерь. После его возвращения он собирался домой в Иркутск, и я получила от него письмо, написанное в деканате.

Паня!

Сижу сейчас в деканате, жду секретаря. Получил вчера твое письмо и деньги, только вчера ночью пришел из лагерей. У меня уже есть билет, сегодня в 8 часов уеду. Знаешь, не надо было посылать деньги, я бы как-нибудь обошелся, тебе ведь, наверное, они сейчас тоже нужны. Продать из своих вещей мне ничего не удалось. Ну, это все ерунда.

Где жить буду, когда приеду, не знаю. Насчет комнаты еще не подумал, вернее, некогда было. Очень не хочется идти в общежитие, а, наверное, придется, потому что денег на комнату у меня не будет.

Знаешь, одному перебиваться тяжело, но товарища нет. Предлагал мне один парень с 1-го курса механического факультета, еще моложе меня, но он уж больно мальчишка, а я ведь, когда нужно, все-таки фронтовых лет.

О многом хочется с тобой поговорить, многим поделиться, особенно лагерным опытом. Я почему-то нигде не могу войти в общую семью, не доверяют мне, что ли. Малейшую мою ошибку сразу используют против меня. Я вел большую работу общественную, в общественном масштабе, все успешно, и все же ничего, кроме порчи нервов и убитого времени, не достиг.

Тяжелая и неблагоприятная жизнь.

Вообще, мне кажется, я отличаюсь тем, что мои ошибки я слишком резко чувствую и моя жизненная школа — нелегкая школа.

Мне кажется, Паня, ты могла бы меня понять. Не могу сказать, чтобы я не был доволен собой, я шел по верной дороге, и если и больно ушибался, оступаясь, то зато вперед твердо шагал.

Пиши, Паня, не забывай, а я о тебе помню.

Миша».

Она сохранила это письмо 18-летнего Миши, где он так переживает за то, что его не принимают в свою среду, и ищет среди студентов верных товарищей.

Позже он научился общаться с людьми и в дальнейшей работе главного конструктора сумел объединить не только коллектив своего конструкторского бюро, но и создать вертолетную промышленность. И удивительно, что всюду он находил общий язык с самыми разными людьми, делая их своими единомышленниками.

Молодая семья. Воспоминания Паны Руденко

Все мои подруги на третьем курсе вышли замуж. Осенью и мы с Мишей решили жить вместе и сняли комнату у хозяйки — ему тогда шел 20-й, а мне 22-й год. Миша меня очень любил, опекал и обходиться не мог. Мы получили свидетельство о браке много позже, только после войны, когда у нас уже были дети. В свидетельстве (уже в Москве) записано: «О браке с 11-го ноября 1929 г.»

Мы могли оплачивать частную квартиру, так как оба получали повышенную стипендию — по 450 рублей в месяц.

Невозможно представить атмосферу того времени, не зная периода Гражданской войны, пронесшейся по всей центральной России. Это дает возможность понять обстановку, в которой мы жили, учились и творили. Почему считали за счастье получить крошечную 6-метровую комнату и жить там вчетвером, но своей семьей, принимая друзей и работая с полной отдачей с утра до вечера.

Мы были из разных слоев общества, мой муж из зажиточной семьи городских интеллигентов, я из простой крестьянской семьи. Мое детство и юность прошли в станице Морозовской Ростовской области, через которую прошла Гражданская война. Я родилась в деревне Черниговка Таврической губернии Ростовской области в 1907 году. Было у нас в семье два брата: Денис и Иван, а также сестра Даша, которая была старше меня